

Зибер как первый русский марксист и рикардланец

Н. Зибер и К. Маркс в истории дореволюционной российской экономической мысли

Л. Широкопад¹

Николай Иванович Зибер родился в 1844 г. в Судеке (Таврическая губерния). Он был сыном швейцарского подданного родом из немецкой Швейцарии, но родился и получил воспитание в России (в Крыму и в Киеве) (Мих-въ, 1995, с. 369)². В то же время, по словам Д. Овсянико-Куликовского³, он «был, можно смело сказать, психологически и по национальности коренной и типичный русский человек. Для него все русское было родной стихией. Россию он считал своим отечеством и любил мучительною любовью русского интеллигента» (Овсянико-Куликовский, 1923, с. 147).

После окончания Симферопольской гимназии в 1864 г. Зибер поступил на юридический факультет Университета Св. Владимира в Киеве. Здесь на его выдающиеся способности обратили внимание ведущие профессора, в частности Н. Бунге, А. Романович-Славатинский и Г. Цехановецкий.

-
1. Печатается по: Широкопад Л. Д. (2018). Н. Зибер и К. Маркс в истории дореволюционной российской экономической мысли // Вопросы экономики. № 4. С. 95–110.
 2. Мать Н. И. была по одним источникам полуфранцуженкой, по другим — украинкой.
 3. Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский (1853–1920) — известный историк культуры, литературовед, лингвист, языковед, психолог, почетный член Петербургской (Российской) академии наук, один из редакторов журнала «Вестник Европы». С Зибером общался в 1877–1882 гг.

Как отмечал профессор Романович-Славатинский, в первой половине 1860-х гг. читавший в Университете Св. Владимира курс государственного права, «политической экономии у нас тогда было у кого поучиться: ее преподавали такие экономисты, как Н. Х. Бунге и его талантливый ученик Г. М. Цехановецкий. Воспитанные в классической школе Адама Смита, они чужды были научного догматизма и новые веяния в науке не считали еретичеством, достойным кары... В их школе начал свое экономическое воспитание и Н. И. Зибер, к которому с таким вниманием и заботливостью отнесся профессор Бунге, наметивший его в свои стипендиаты» (Романович-Славатинский, 1903, с. 39). Бунге, принимавший у Зибера в начале 1870-х гг. магистерский экзамен, по словам Романовича-Славатинского, «предложил ему изложить теорию Маркса, которая была тогда большою новинкой. Я помню, как разгорелись щеки Зибера, когда он стал излагать теорию, которой он сделался горячим последователем» (Романович-Славатинский, 1903, с. 38).

Сам Бунге считал эту теорию совершенно не выдерживающей научной критики. «Как самая теория Маркса, так и практические заключения, к которым она приводит, ничего не дают», — писал он в конце жизни (Бунге, 1895, с. 153). В то же время он признавал ее определенное научное значение. Обращаясь «к читателям» своей итоговой теоретической работы, он подчеркивал: «Я... далек от мысли, что ошибочные и эфемерные теории имеют одно лишь отрицательное значение — в них всегда есть если не доля истины, то нечто заслуживающее изучения; затем в них воплощаются господствующие стремления и идеалы, а потому они способствуют пониманию данной эпохи» (Бунге, 1895, с. II). Заслуга Бунге, таким образом, состоит в том, что он предоставил своему любимому ученику полную свободу теоретического выбора и фактически поддержал его увлечение Марксом, несмотря на свое неприятие марксизма. В то же время прежде всего благодаря Бунге Зибер сформировался как ученый, в совершенстве владеющий методикой научного исследования. «Развить... в своих слушателях дух исследования и критики, а равно... научить других собирать и обрабатывать материалы я всегда считал своею задачею», — отметил Бунге, подводя итоги своей научной и педагогической деятельности (Бунге, 1895, с. III).

Что касается профессора Цехановецкого, лекции которого по политической экономии слушал Зибер, то, по-видимому, именно он возбудил у него интерес к этой науке. По словам профессора П. Мигулина, «Цехановецкий не издал своего курса политической экономии, редким знатоком которой он являлся, неизменно возбуждая высокий интерес к своим лекциям... „Краткий обзор политической экономии“ Цехановецкий напечатал еще в 1866 г. в „Университетских известиях“... Здесь многие страницы представляют живейший интерес; особенно тщательно изложено учение о ценности, которому Цехановецкий придавал долгое время первенствующее значение в политической экономии и только в последнее время своей ученой деятельности начал приходить к заключению, что в этих учениях гораздо более схоластики, нежели серьезного дела... Цехановецкий обладал обширными познаниями в области политической экономии, был широко и разносторонне образован и очень начитан. Благодаря этому Цехановецкий пользовался очень большой известностью не только в узком кругу специалистов, но и среди большой публики, получавшей свои сведения от многочисленных слушателей и учеников популярного профессора. Действительно, лекции Цехановецкого отличались глубиной мысли, прекрасным изложением, обширностью сообщаемых фактов. Многие из учеников Цехановецкого увлекались политической экономией, этой труднейшей наукой, и приступали к более детальному ознакомлению с ней» (Мигулин, 1908, с. 285–286)⁴. Одним из таких учеников был Зибер.

В 1880-е гг. Цехановецкий находился под следствием, которое проводило Министерство народного просвещения в связи с обвинением его в пропаганде марксизма. В ходе этого следствия студенты Харьковского университета заявили, что «теорию Маркса они принимают на веру как лучший вывод не только науки, но и жизни» (Слюсарский и др., 1955, с. 108).

4. Хорошо знавший Зибера Романович-Славатинский, имея его в виду, уже на склоне лет вспоминал: «Я мало встречал людей, у которых мыслительная способность была бы так развита и функция мысли составляла бы такую правильную, органическую работу мозга» (Романович-Славатинский, 1903, с. 176).

Зибер о критике Маркса Ю. Жуковским и Б. Чичериным

Как известно, среди переводов первого тома «Капитала» на иностранный язык первым был перевод на русский язык в 1872 г. Цензоры дали разрешение на этот перевод, так как были уверены, что это сложное для восприятия теоретическое произведение окажется недоступным для русского читателя, и не разглядели в нем опасности политического характера. Однако в действительности это издание вызвало очень большой читательский интерес, что побуждало газеты и журналы публиковать сначала краткие рецензии, а затем и обстоятельные теоретические разборы этой фундаментальной работы. Такие аналитические статьи, естественно, были написаны с разных теоретических позиций. Сугубо отрицательные оценки «Капитала» Маркса были даны в статьях Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» (Вестник Европы. 1877. № 9) и Б. Чичерина «Немецкие социалисты. II. Карл Маркс» (Сборник государственных знаний. Т. VI. СПб., 1878).

Жуковский (1822–1907) — публицист и экономист, в 1870–1880-х гг. публиковал статьи по экономическим вопросам в журнале «Вестник Европы». Он был воспитан на работах представителей классической школы политэкономии и больше всего писал о них. Главная его работа — книга «История политической литературы XIX столетия. От преддверия до середины XIX века» (1871). Особое внимание в ней уделено характеристике экономических взглядов Д. Рикардо. В литературе отмечался его дар популяризатора и комментатора и в то же время указывалось на то, что это «талант не яркий» (Брокгауз, Ефрон, 1914, с. 10–11).

В отличие от Зибера Жуковский не смог уловить преемственность марксистской и классической политэкономии. Более того, он не смог адекватно воспринять важнейшие особенности марксистского экономического учения. Так, он писал, что «Маркс... ограничивает свое исследование... одной формальной стороной, а другая, материальная сторона оставляется им... без серьезного рассмотрения» (Жуковский, 1877, с. 67). Для Зибера не составило никакого труда опровергнуть это утверждение: он просто ссылается на марксистскую концепцию базиса и надстройки, напоминает, что в соответствии с учением Маркса «обществен-

ные задачи возникают только тогда и там, когда и где более или менее подготовлены материальные условия их осуществления» (Зибер, 1959, с. 559).

По мнению Жуковского, диалектический метод исследования, используемый Марксом, ненаучен и лишь затрудняет восприятие его теории. Последствием влияния на него гегелевской школы «является утомительное переключивание одного и того же простого и понятного самого по себе содержания в различные диалектические формы, которое напрасно удлинняет изложение, утомляет внимание, а для читателя, непривычного к подобной метафизической игре, делает самое изложение местами вовсе непонятным... все это имеет важность только разве в кружке дилетантов диалектики, к которому принадлежит Маркс» (Жуковский, 1877, с. 72). Это обвинение в метафизике и схоластике Жуковский направлял прежде всего против учения Маркса о двойственном характере труда. Зибер в ответ на эту критику доказывает, что двойственность труда — это реальность, а не вымысел. «Труд людей, ведущих капиталистическое хозяйство или хозяйство с разделенным общественно (курсив Зибера. — Л. Ш.) трудом и сопровождающим это деление сбытом на сторону продуктов, действительно фактически реально носит дуалистический характер... кому угодно не соглашаться с его [Маркса] способом формулировки учения о ценности, тот должен доказать, что двойственность труда есть вымысел, а не действительность» (Зибер, 1959, с. 564–565). Все же Зибер частично соглашается с Жуковским по вопросу о целесообразности использования Марксом диалектического метода. «Мы готовы согласиться, — пишет он, — что известная, впрочем, очень незначительная доля чисто внешней истины имеется в подобных обвинениях и что диалектическую сторону своего изложения Маркс, кажется, мог бы действительно немножко сократить, не нанося тем ни малейшего ущерба делу» (Зибер, 1959, с. 562). Плеханов, Ленин, а вслед за ними советские экономисты квалифицировали это утверждение как недооценку и даже непонимание Зибером диалектического метода Маркса, то есть как его очень серьезную теоретическую ошибку, что и не позволило им рассматривать его как последовательного марксиста. Глубоко ошибочным они считали и нежелание Зибера принимать активное участие в политической борьбе.

Выше речь шла о защите Зибером методологических основ экономического учения Маркса. Основным пунк-

том теоретических разногласий между Жуковским и Марксом (соответственно Зибером) был вопрос об источнике стоимости, прибавочной стоимости и капитала. В отличие от Маркса Жуковский полагал, что «источником прибавочной стоимости, а следовательно, и капитала может быть всякий товар, дающий приплод, способный увеличиваться независимо от влияния на него труда человека; таким источником может быть дерево, земля, скот — словом, все, что способно само собой порождать сумму новых полезных потребительных стоимостей, могущих обратиться в меновые... начало капиталу дает не исключительно человеческий труд, а совместная деятельность самой природы и человека» (Жуковский, 1877, с. 76–77). По Жуковскому, даже лошадь может произвести прибавочную стоимость. Зибер называет это утверждение курьезным. «В примере, предложенном г. Жуковским, — пишет он, — оценивается не работа лошади... а работа погонщика, извозчика, конюшего, работа на прокормление лошади и работа на погашение той, которая расходуется употреблением экипажа. Вот первые два вида именно этой-то работы и могут принести добавочную ценность... В противном же случае можно было бы подумать, как это почти и утверждает г. Жуковский, что силы природы сами имеют ценность или даже меновую, оплачиваемую в обмен, — ценность не только в виде ренты, но также и как труд (?) природы. Но эта точка зрения не стоит упоминания» (Зибер, 1959, с. 568–569). В связи с этим Зибер напоминает, что в предыдущих своих научных работах, в частности в статье «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке», Жуковский «неоднократно заявлял, что труд есть единственный источник ценности и что самый капитал есть только прошлый труд» (Зибер, 1959, с. 566). В целом представление Жуковского о том, что источником стоимости могут быть «даровые силы природы», Зибер характеризует как «ту же самую физиократию, только выраженную еще более абстрактно и формально... это... оказывается одним из величайших заблуждений, притом давно уже отвергнутым теорией ренты Рикардо» (Зибер, 1959, с. 566).

В 1878 г. с критикой Маркса выступил один из идеологов русского либерализма, выдающийся русский историк, правовед, общественный деятель Чичерин. В отличие от Жуковского он хорошо понимал научную ценность гегелевской философии и, соответственно, диалектического метода.

«Без диалектики, — писал он, — нет философии. Кто отвергает диалектику, тот не принимает первых оснований философского мышления. Ничто так не свидетельствует о современном упадке философии, как то пренебрежение, в которое диалектика впала в настоящее время» (Чичерин, 1897, с. 385). В то же время он, как и Жуковский, в росте популярности социалистических идей видел огромную опасность для будущего России. Сами эти идеи он называл «социал-демократическими бреднями». С тревогой он отмечал, что после Крымской войны «социалистическая пропаганда шла на всех парах, измышления Лассаля и Карла Маркса, равно как и самые крайние теории материалистов, беспрепятственно распространялись в русской публике» (Чичерин, 1890, с. 12–14). Через десять лет, в 1900 г., он пишет: «Многие доселе причисляют Чернышевского, Добролюбова и Ко. к деятелям эпохи преобразований. Их можно считать деятелями разве только наподобие мух, которые гадят картину великого художника. Но следы мух смываются легко, тогда как социалистическая пропаганда, ведущая свое начало от петербургской журналистики, отравила и доселе отравляет значительную часть русского юношества. Она породила явления, которые сдвинули Россию с пути правильного развития, и открыла широкие двери реакции» (Русский патриот, 1900, с. 20–21). С этих позиций он и приступает к критическому разбору «Капитала» Маркса, который, как он отмечает, «служит высшим выражением немецкого ученого социализма» (Чичерин, 1878, с. 1). В таком издевательском стиле написана вся статья Чичерина. Ответ Зибера на нее поэтому также весьма далек от академизма и очень резок по тону.

Как и Жуковский, Чичерин начинает с утверждения о том, что «в выводе основных положений нет у него [Маркса] и тени фактического доказательства; затем, когда теория построена, на этом основании воздвигается фактическое здание, которое, разумеется, получает тот вид, какой автору угодно ему придать» (Чичерин, 1878, с. 3). Опровергая это обвинение, Зибер, в частности, пишет: «Маркс... на основании точнейших официальных и иных данных показывает, что капиталы все более и более сосредоточиваются в одних руках, что труд сосредоточивается вместе с ними и объединяется все более и более, что введение машин все более и более эмансипирует громадную долю человечества от пожизненной и следственной принадлежности к опре-

деленным функциям, показывает все это и многое другое и в целом приходит к заключению, что капиталистическому производству предвидится со временем конец. Тогда является г. Чичерин и... голословно заявляет, что идеалы Маркса обретаются только в его голове» (Зибер, 1959, с. 88).

Чичерин считает ошибочным утверждение Маркса о том, что для отыскания общего в обмениваемых товарах нужно отвлечься от их потребительных стоимостей. С его точки зрения, «если мы сделаем отвлечение от их пользы, то останется общий элемент полезности, потребительная стоимость вообще... Простое же отвлечение от полезности не только не приведет нас к какому-либо результату, но, напротив, уничтожит самое основание решения. Если мы сделаем отвлечение от всякой полезности, то исчезнет и ценность, ибо не будет и мены» (Чичерин, 1878, с. 5). Отсюда сделан вывод, что основанием для количественного сравнения двух товаров служит не труд, а общая для них полезность. Зибер отвечает на это возражение: во-первых, «все то, что не добывается трудом, общим правилом совсем не меняется, а берется... даром», а во-вторых, нередко покупатели платят гораздо больше за менее полезный товар (например, шампанское стоит гораздо дороже хлеба) (Зибер, 1959, с. 691).

В полемике с Чичериным Зибер отстаивает позицию Маркса и по таким проблемам, как редукция труда, участие естественных факторов в создании стоимости, понятие общественно необходимого труда, диалектика относительной и эквивалентной форм стоимости, превращение денег в капитал и др. В ходе этой дискуссии Зибер весьма искусно, проявляя глубокое знание «Капитала» Маркса и незаурядное полемическое мастерство, защищает марксистское экономическое учение. Для того времени эта антикритика была очень убедительна и совсем не случайно заслужила очень высокую оценку Плеханова. В 1959 г. статьи Зибера с критикой Жуковского и Чичерина были опубликованы в сборнике его избранных экономических произведений, но статьи самих этих авторов ни в этом сборнике, ни где-либо еще после 1877–1878 гг. не публиковались.

Интересно, что статьи Жуковского и Чичерина читал Маркс (их ему прислал Н. Даниельсон). До их критического анализа он не снизошел, ограничившись, по своему обыкновению, пренебрежительными замечаниями в адрес их авторов. Жуковского он назвал «чудаком, мнящим себя

энциклопедистом» (Маркс, Энгельс, 1964, с. 277). По поводу Чичерина он написал в одном из писем к Даниельсону: «Некоторые из моих русских друзей уже подготовили меня к тому, что от г-на Чичерина следует ждать весьма слабого произведения, но действительность превзошла мои ожидания. Он, очевидно, не знаком с элементарными понятиями политической экономии и воображает, что тривиальности школы Бастиа, будучи напечатаны от его, Чичерина, имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины» (Маркс, Энгельс, 1964, с. 279–280).

Зибер, народники, «легальные марксисты»

Будучи убежденным марксистом, Зибер критически относился к народническим идеям. По словам хорошо знавшего его Овсяннико-Куликовского, Зибер «последовательно отрицал спасительность так называемых коренных „начал“ или „устоев“ русской жизни. Народничество он отвергал всецело; крестьянская община была в его глазах лишь жалким пережитком прошлого, обреченным на гибель. Прогресс России, экономический, политический и всяческий, он связывал с развитием капитализма по европейскому образцу. В этом смысле он был последовательным западником: и статьи В. В. [В. П. Воронцова в „Отечественных записках“], где проводилась та мысль, что у нас капитализма нет и нет почвы для его развития, приводили Николая Ивановича в... состояние полемической раздражительности... Но вот что для него характерно: он сознательно и систематически воздерживался от полемики с народниками — по чувству деликатности, по правилу „лежащего не бьют“, а также из опасения „сыграть на руку реакции“. По тем же основаниям никогда не выступал он печатно против наших социалистов и революционеров» (Овсяннико-Куликовский, 1923, с. 147).

Утверждение Овсяннико-Куликовского о том, что Зибер «систематически воздерживался от полемики с народниками», представляется не совсем точным. В начале 1880-х гг., например, он выступил с критикой книги Воронцова «Судьбы капитализма в России» в эмигрантской газете «Вольное слово», издававшейся в Женеве под редакцией его друга М. Драгоманова. (Последний, как и Зибер, не подозревал, что эта газета издавалась на средства

монархической организации «Священная дружина», чтобы использовать ее для контроля над русской эмиграцией.) Правда, критика эта действительно была весьма сдержанной по форме, но все же принципиальной по существу. Так, он писал: «Мы ни в коем случае... не можем разделить мнение автора, что русское правительство желает искренно бороться с кулаками, когда оно то самое и есть архикулак» (П. С.⁵, 1882, с. 15). Серьезным было и другое критическое замечание Зиберы: «Противодействовать вредным последствиям капитализма следует, но думать о полном его упразднении, пока он не упразднится сам, значит думать поднять самого себя за волосы» (П. С., 1882, с. 15). В целом он дал положительную оценку книге Воронцова, назвал ее интересной. Нельзя не отметить, что и Воронцов в своих работах в ряде случаев опирался на книги и статьи Зиберы для подтверждения своих выводов, отдельные его критические замечания были весьма корректны.

В письме Мальшинскому, написанном весной 1882 г., то есть за несколько месяцев до публикации этой статьи, Драгоманов очень выразительно описывает психологическое состояние Зиберы в это время: «Вот с Зибером беда! Писать-то он обещал, да так неопределенно. Первое — что он-таки боится (он вообще ужасно мнителен), боится скомпрометироваться перед правительством, а второе — он вообще ужасно субъективен, — никак не может войти сразу в положение, которое сложилось не под его глазами, а третье — теперь он как-то совсем расстроен нервами, так что все эти пороки дошли до максимума. Иногда я его не ругаю резко только из жалости, а иногда даже думаю писать его жене, чтобы она серьезно его взяла в руки да полечила. И эта неопределенность разглаголий 3-ра тем более досадна, что если б он взялся толком за работу при „В. Сл.“, то это бы имело на него и полезное нравственное влияние в смысле прекращения той изолированности, в какой он живет столько времени и какая его самого так тяготит. Ну, да человека не переделаешь! Некоторую работу все-таки от 3-ра ожидать можно» (цит. по: Заславский, 1924, с. 105–106). Действительно, в газете «Вольное слово» летом и осенью 1882 г. Зибер опубликовал три статьи, включая указанную выше.

5. П. С. — псевдоним Н. И. Зиберы.

Другие народники проявляли к Зиберу еще больше симпатии. Идеолог народничества Н. Михайловский писал: «Зибер был действительно серьезный ученый, и уж ни в коем случае не стал бы я меряться с ним знаниями, — слишком бы это было для меня невыгодно» (Михайловский, 1909, с. 319). В некрологе он отметил, что Зибер «принадлежал к числу самых выдающихся и сведущих экономистов наших» (Северный вестник, 1888, с. 152). В 1873 г. он назвал диссертацию Зиберы «Теория ценности и капитала Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» «замечательным явлением в нашей школьной литературе» (Михайловский, 1896, с. 814). Правда, в 1890-х гг. он выступил с критикой российских марксистов за их односторонность и отрицание субъективного фактора в истории.

Один из идеологов либерального народничества, выдающийся русский экономист второй половины XIX — начала XX в., профессор А. И. Чупров называл Зиберу «одним из лучших русских специалистов по политической экономии» (Чупров, 2009, с. 323).

Учитывая, сколь различными были теоретические основы марксизма и народничества, может показаться странным столь уважительное отношение ведущих теоретиков народничества к российским марксистам. Не следует забывать, однако, что тех и других объединяло неприятие капитализма. Сам Маркс более четверти века поддерживал тесные дружеские контакты с Даниельсоном и именно через него получал большую часть информации о России, в том числе интересовавшие его книги и журналы на русском языке. Именно Даниельсон познакомил его и с Зибером, выслал ему диссертацию последнего (после смерти Маркса в 1885 г. подарил Ф. Энгельсу книгу Зиберы «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях»), а также статьи против критиков Маркса — Жуковского и Чичерина (вместе со статьями последних). Но главное — он потратил 30 лет своей жизни на перевод и издание «Капитала». И все это при условии, что Даниельсон был убежденным народником. В 1890-е гг., когда борьба между марксистами и народниками обострилась, позиция Энгельса по отношению к народникам, и в частности к Даниельсону, стала весьма жесткой. Так, в письме Плеханову менее чем за полгода до смерти он писал: «Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь... Совершенно невозможно полемизировать с тем поколени-

ем русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов... В самом деле, народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет приверженцем царизма» (Энгельс, 1966, с. 344).

Интересно, что Зибер критиковал народников с тех же западнических позиций, что и «легальные марксисты». Его крылатая фраза «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет» перекликалась с призывом П. Струве: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму», которым он завершил свою знаменитую книгу «Критические заметки об экономическом развитии России. Выпуск 1». (Струве, 1894, с. 288). На тех же позициях долгое время стоял и Маркс. Но в конечном счете, как полагают некоторые специалисты, он все же изменил свои взгляды по этому вопросу. «Сам Маркс, однако, — отметил проф. А. Кравченко во вступительной статье к сборнику работ Воронцова, — к концу жизни отрекся от этой эволюционистской точки зрения и, к большой досаде плехановской группы, фактически стал сторонником народнической теории» (Кравченко, 2008, с. 4).

В отличие от народников «легальные марксисты» были далеки от восторженного отношения к Зиберу. Струве, например, писал в 1894 г.: «Покойный Н. И. Зибер, несмотря на свою изумительную эрудицию, не сделал существенных дополнений к теории Маркса» (Струве, 1894, с. 210). По мнению М. Туган-Барановского, «даровитый экономист 70-х и 80-х гг.» Зибер был предшественником «неомарксизма». К этому течению он отнес Струве, Бельтова, Ильина, Булгакова, Скворцова, И. Гурвича (Туган-Барановский, 1898, с. 854). Отсутствие у Туган-Барановского и других «легальных марксистов» интереса к Зиберу было связано с тем, что они сами все больше отходили от Маркса.

Зибер и Плеханов

В 1875 г., когда ему было всего 19 лет, Плеханов вступил в ряды революционеров-народников. В 1876 г. он был включен в тайную организацию народников второй половины 1870-х гг. «Земля и воля». В этот период он увлекается Бакуниным, из работ которого он «вынес великое уваже-

ние к материалистическому объяснению истории» (Плеханов, 1925е, с. 19). Во второй половине 1870-х гг. Плеханов ведет активную работу в рабочих кружках и даже руководит стачками. Этот опыт приводит его к выводу, что «к началу 1879 года рабочее движение переросло народническое учение на целую голову» (Плеханов, 1902, с. 44). Поиски новых стратегий и методов политической борьбы приводят его к Зиберу. «Именно потому, что так высоки были теоретические запросы Плеханова, так многообразны и сложны были практикой (разрядка В. Ваганяна. — Л. III.) выдвинутые перед ним вопросы, он с особым вниманием и с интересом следил за литературной деятельностью Н. Зибера, стремясь найти в его статьях ответы на „проклятые вопросы“, стоящие перед ним. Н. Зибер в это время старался, насколько это позволяли цензурные условия... ввести западноевропейский элемент в русскую общественную науку» (Ваганян, 1924, с. 34). В статье «Задачи экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879) Плеханов отзывается о Зибере как об одном «из талантливейших учеников и популяризаторов Маркса» (Плеханов, 1924, с. 57). По словам Ваганяна, «гораздо большее влияние на Плеханова Зибер имел впоследствии, в эпоху его второго отъезда за границу, во время его работ над „Родбертусом“, и далее, когда он был лично с ним знаком и вел подолгу беседы на теоретические темы» (Ваганян, 1924, с. 36).

Плеханов неоднократно ссылался на Зибера в одной из лучших своих работ «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) и в статье «Несколько слов нашим противникам» (1895), где он отвечает на критику указанной работы Михайловским. В частности, он опирается на Зибера, когда доказывает беспочвенность широко распространенных в русской литературе последней трети XIX в. обвинений Маркса в том, что в «Капитале» он использовал для доказательства своей правоты в основном схоластические ссылки на «гегелевскую триаду», а не научное исследование материальных условий формирования и развития капиталистического способа производства. При этом он утверждает, что Зибер «все-таки остался в неизвестности насчет значения Гегеля в развитии новейшей экономики и даже вообще насчет годности диалектики в применении к различным областям знания» (Плеханов, 1956, с. 747–748).

В. Ленин ссылался на Зибера в своей ранней работе «К характеристике экономического романтизма» (1897)

(Ленин, 1959, с. 156, 168, 172 и др.), но в основном, как он сам признался в своем предисловии к переизданию этой работы в 1908 г., это было сделано «по цензурным соображениям». По словам Ленина, Зибер «пересказывал» «Капитал», поэтому, чтобы изложить точку зрения Маркса по тому или другому вопросу, очень удобно было делать ссылку не на него, а на Зиберу (Ленин, 1959, с. 181). Ничего ценного или интересного о Зибере Ленин не написал, что свидетельствует о его явной недооценке этого выдающегося русского экономиста.

В начале XX в. определенные элементы марксистской экономической теории (например, концепция абсолютного обнищания и др.) перестали соответствовать новейшему уровню развития науки. Возникла объективная необходимость провести модернизацию «защитного пояса» марксистской экономической теории, чтобы сохранить ее «жесткое ядро». Решением этой задачи занялись так называемые ревизионисты, в том числе и отечественные. Предпринимавшиеся ими усилия по интегрированию марксистской экономической теории в общенаучный контекст начала XX в. были необходимы для сохранения ее жизнеспособности в новых условиях. Особенно важно это было для России, где доминирование марксистской экономической теории, с ее нетерпимостью ко всем другим альтернативным теориям, еще на рубеже XIX–XX вв. приводило к усиливающейся изоляции, к отрыву российской экономической науки от европейской. Один из русских «ревизионистов» С. Франк писал по этому поводу в 1900 г.: «Вплоть до самого последнего времени вся наша оригинальная литература по теории политической экономии сводилась к популяризации учения Маркса. Мало того: несмотря на поток переводной литературы по всем отраслям общественных наук, наводнивший за последние годы наш книжный рынок, мы не имеем переводов трудов лучших современных теоретиков-экономистов. Все развитие теории политической экономии за последние 20–30 лет прошло незамеченным для нас, потому что не укладывалось в раз принятую схему теории Маркса; учения Кнуса, Менгера, Бём-Баверка, Джевонса, Маршалла и многих других остались до сих пор китайской грамотой для огромнейшей части нашей образованной публики, и если имена эти упоминаются в нашей журнальной литературе, то только для того, чтобы послать по их адресу резкие упрёки в „отсталости“ и „буржуазно-

сти“, — эпитеты, которые до последнего времени прилагались, впрочем, у нас ко всем, кто имел смелость не ограничиваться выражением своего согласия с учением трех томов „Капитала“, а заниматься самостоятельным исследованием тех же вопросов. Вряд ли нужно прибавлять, что европейская наука очень мало беспокоилась о нашей русской оценке ее и продолжала быстро продвигаться вперед по раз намеченному пути. И так как... ортодоксальное осуждение никогда еще не могло задержать развития и распространения новых учений, если в них содержалось зерно истины, то в конце концов не европейской науке, а нам самим придется стыдиться нашей оценки» (Франк, 1900, с. II–III). Действительно, монополия марксизма в советский период, как и всякая монополия, привела к загниванию и отставанию экономической науки в СССР. Преодоление этой монополии происходило медленно и трудно.

Попытку «содействовать укреплению трудовой теории ценности в более скромной, но зато и более твердой позиции, с высоты которой она может, сохраняя дружественный нейтралитет, спокойно смотреть на рост и развитие других научных теорий» (Франк, 1900, с. 369–370), на рубеже XIX–XX вв. предпринял ряд видных русских ученых, среди них Франк и Туган-Барановский, взгляды которых по этому вопросу подверг жесткой критике Плеханов.

Еще в 1903 г. Туган-Барановский «величайшей задачей социальной мысли нашего времени» провозгласил «критическое преодоление марксизма». Важно, что это критическое преодоление он понимал как конструктивный процесс «создания новой социальной системы, в которую войдет много элементов марксизма, но в переработанном, очищенном и преобразованном виде» (Туган-Барановский, 1903, с. VI). Представляя ставшую вскоре знаменитой свою книгу «Основы политической экономии», Туган-Барановский писал: «Задача моя заключалась, между прочим, в том, чтобы показать на деле возможность синтеза между теорией предельной полезности и социальной точкой зрения марксизма» (Туган-Барановский, 1910, с. 101)⁶.

На рубеже XIX–XX вв. марксистская экономическая теория, в частности трудовая теория стоимости, подверглась

6. Подробное обсуждение попыток синтеза теории предельной полезности и марксистской теории стоимости в русской экономической мысли см.: (Allisson, 2015).

серьезному критическому пересмотру. Далеко не на все возражения критиков удалось получить убедительный ответ даже от очень известных марксистов, включая Гильфердинга и Бухарина. В свое время Бём-Баверк писал, что марксистский закон стоимости «неоднократно уже опровергался с таким успехом, что кроме партии социалистов, — которая руководствуется в данном случае далеко не одними лишь чисто теоретическими соображениями, — у него едва ли еще найдутся теперь приверженцы» (Бём-Баверк, 1929, с. 110). Разумеется, это очень сильное преувеличение, особенно если учесть огромную популярность марксизма в России, да и не только в России, в конце XIX и в XX в. Но доля истины в этом утверждении есть. В конечном счете марксистская экономическая теория оказалась потесненной с лидирующих позиций в мировой экономической мысли. Не в последнюю очередь это произошло потому, что, как заметил еще Франк, «последователи Маркса... вообще больше удивлялись его учению, чем разрабатывали его» (Франк, 1900, с. 356). Способность отвечать на запросы времени, то есть сохранять свою жизнеспособность, марксистская экономическая наука может лишь тогда и постольку, когда и поскольку она перестает представлять себя как единственно верное учение, по отношению к которому все другие теории достойны лишь более или менее острой критики; когда она сама идет навстречу другим научным направлениям.

Хотя в конце XIX — начале XX в. тенденция к «органическому синтезу» между теорией предельной полезности и социальной точкой зрения марксизма получала все более широкую поддержку российских экономистов, все же она наталкивалась и на все более острую критику, в частности со стороны ортодоксальных марксистов. Одним из наиболее непримиримых противников этой позиции был Плеханов. Правда, столь развернутого анализа теории предельной полезности, как, например, взглядов Чернышевского или Родбертуса, он не дал, ограничившись лишь хлесткими характеристиками этой теории: «Теоретическое значение австрийской школы... равно нулю», «попятное движение в области мысли» (Плеханов, 1925а, с. 133), «бессодержательные рассуждения на „субъективные“ темы» (там же, с. 134), «софисты низшей пробы» (Плеханов, 1925b, с. 90), «Бастиа наших дней» (Плеханов, 1925с, с. 269), «беспредельная бесполезность того критического похода против Маркса, ко-

торый был предпринят Бём-Баверком» (Плеханов, 1925d, с. 352), «сплошная путаница понятий» (Плеханов, 1925d, с. 357). Единственной работой, где он не ограничивается беглыми замечаниями по адресу этой концепции, стала десятистраничная рецензия на книгу Франка объемом 370 страниц. Здесь он дает критику широко распространенного в конце XIX — начале XX в. представления о противоречии между I и III томами «Капитала». Критике подвергается и утверждение Франка о том, что «субъективная ценность продуктов труда совпадает... с их трудовой ценностью» (Франк, 1900, с. 234). В предисловии к своей монографии о Чернышевском Плеханов указывает на глубокую ошибочность отвлечения австрийской школы от всех общественных отношений производства: «Все категории политической экономии являются не чем иным, как выражением производственных отношений: отвлечься от этих отношений — значит закрыть себе путь к пониманию этих категорий» (Плеханов, 1925а, с. 133–134).

В ходе этой борьбы, однако, марксисты почти не использовали работы Зибер. Правда, в ряде учебников по политэкономии, изданных в начале XX в., в библиографии к отдельным темам его работы указывались. Но действительно широкий интерес и внимание к нему начали проявлять лишь в советский период.

* * *

Можно сказать, что в течение 10–15 лет после издания первого тома «Капитала» именно Зибер был в России главным пропагандистом идей, получивших отражение в этом сочинении, как никто другой умело отражавшим все критические нападки на Маркса. Не последнюю роль в этом играла удивлявшая всех эрудиция Зибер. Как известно, Маркс был лучшим знатоком истории экономической мысли своего времени. В России 1870-х — первой половины 1880-х гг. лучшим специалистом в этой области был Зибер, который не просто прекрасно знал работы старых экономистов, но и умело использовал их в полемике с противниками Маркса. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с уникальным научным аппаратом, представленным в работах Зибер. С середины 1880-х гг. эту эстафету подхватывает Плеханов, который сформировался как идеолог и теоретик марксизма не в последнюю очередь под влиянием Зибер.

Начиная с 1890-х гг. в России все более широкое распространение получает теория предельной полезности, а рассматриваемая с позиций маржинализма теория трудовой стоимости уже не представлялась столь убедительной, как раньше. В начале XX в. начались попытки примирения этих двух теорий, встретившие мощное противодействие противников трудовой теории стоимости. Дискуссии между представителями этих двух течений были прерваны в 1917 г., когда в условиях триумфального шествия марксизма в России работы Зибера вновь оказались в центре внимания советских экономистов.